

№ 556

4

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Москва, май 1925 г.

№ 18 (128).

Цена №-ра 20 коп.

КРОКОДИЛ

ЛИЦО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ БОЛГАРИИ.

Рис. К. Елисееза.

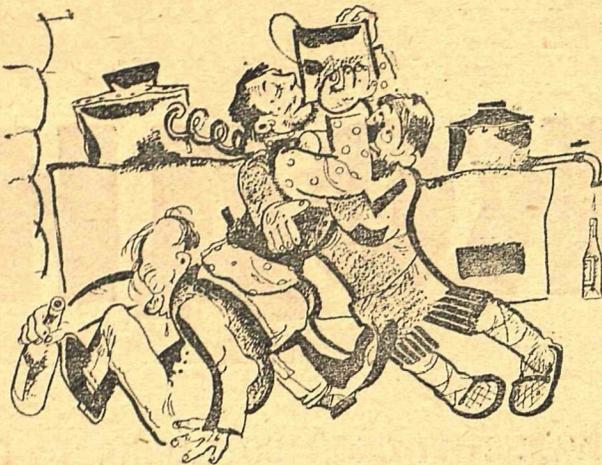
— „Стоит взглянуть мне на висельника и я скажу вам точно, какие у него будут судороги: прямые, косвенные, суставные, с нажимом в ноги, или полуколесные с попеременными конвульсиями сторон...“

(Из статьи „Почему взорвались адские машины“. А. Л. Колосов—„Правда“ № 92).

ЧЕТЫРЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРИРОДЕ.

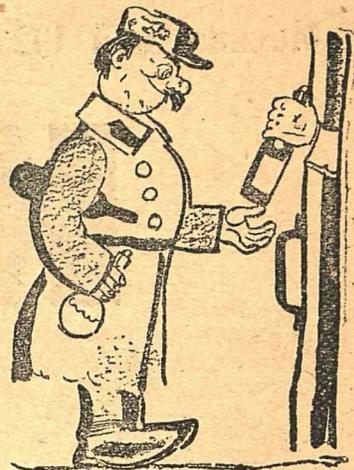
Гроза идет!

Льет как из ведра!

Гром и молния!

Прояснилось!

ИЗЖИВАНИЕ ПЕРЕЖИТКОВ.

... А справедливости, товарищ дорогой, как не было на свете, так и нету.

Надо вам знать, товарищ дорогой, что меня сняли неожиданно со всех моих должностей. Сняли, надо сказать, без особенных даже формальностей и предупреждений: „Спокойно—снимаю“,—и делу конец! И человеку конец, потому что: чтож я теперь такое на свете? Был, конечно, ответственным совпартпрофработником, а теперь, собственно говоря, от ответственности и звания не осталось, между нами говоря... Я про это не в укоризненном смысле, потому что чужд карьеристских предрассудков, но констатирую факт.

Надо вам знать, что размах деятельности у меня был с чрезвычайной нагрузкой. Я и управделами в нашем учреждении состоял, я же и предместкома, я же и секретарь ячейки, я же и член горсовета и так далее, тому подобное. Везде именно меня выбирали по моему предложению, потому что: кого же еще можно выбрать? Легко найти кандидата на техническую работу, но руководящие нити должны быть сосредоточены в одном человеке, который понимает линию и может дать направление. Это, ведь, вам не при военном коммунизме! Тогда прикрикнешь, бывало, насчет саботажа, да возьмешься за телефонную трубку, будто чтобы в чеку позвонить,—вот вам и все несложные методы. А теперь с такими приемами не поработаешь! Теперь подобные пережитки требуют изживания! Теперь другой совсем нужно проводить курс—и под новыми лозунгами: вовлечение беспартийного актива, оживление низовых масс, ревзаконность и подобное прочее. И вот тут-то, конечно, необходим человек, который сам в курсе. Поставьте вы во главе головотяпа, не изжившего пережитков и командных замашек,—результатам, конечно не порадуетесь! Вот почему я и вынужден был употребить весь нажим, чтобы именно меня выбирали. Перегрузка, конечно, но что же делать? Интересы личного здравоохранения при таких обстоятельствах приходится оставлять в стороне...

Надо вам сказать, что за осуществление лозунгов я взялся со всею энергией. Одно оживление общих собраний во сколько мне беспощадных усилий обошлось, так даже и представить нельзя!.. Не посещают, понимаете, подлещи: проявляют безучастное отношение, — и хоть ты что! Ну, произнес я громовую речь... „Вас, говорю, собственная активность должна призывать, но если это не действует по причине несознательности косных элементов, то придется принять другие меры. Отсутствующим, говорю, будет вестись подробная запись, а уж как с ними реагировать—это мы обсудим в другом месте и в другом составе. Одним словом, говорю, представители обывательской безразличности едва ли желательны в штатах учреждения!“ Ну, подействовало. Собрания таким способом оживил. Но ведь разве ж только в собраниях дело?..

Окинув, так сказать, критическим взором, пришлось принять во внимание нескольких отдельных нежелательных типов. Призываю одного. Он, собственно, в определенном не замечен: и на службу является во время, и на собрания ходит, и до самого конца аккуратно на них высиживает... Но это еще не показатель, потому что у меня с собрания и не уйдешь: курьеров ставлю в дверях. То-бишь, ставил, потому что теперь... Со всех меня должностей: я уже говорил.

Ну, одним словом, призываю. „Вот что, говорю, товарищ делопроизводитель или, вернее, гражданин, потому что сознательности я в вас не замечаю... Вот что, говорю: придется нам с вами расстаться. Не то чтоб вы неисправны по службе,—этого нету, но в вас змечаются недопустимые пережитки! И вид у вас какой-то старочиновничий, и при проходе начальства вы норовите бессозна-

тельно со стула приподняться, так что производите даже запуганное впечатление, и в культкомиссию месткома не вошли, и вообще... Вот и сейчас: стоите передо мною, словно аршин или две трети метра проглотивши,—и на лице у вас чиновничья почтительность. Противно глядеть!“

— Виноват-с,—говорит.—Привычка-с от службы при старом режиме...

— То-то, вот, говорю, „виноват-с!“ Вы даже от слова-ер отвыкнуть не можете, хотя еры теперь и не существует. Одним словом, сами должны сознать, что элемент вы неподходящий.

Ну, он то-се, пятое-десятое: семья, пить-есть, с самого начала без саботажа на советской службе состоит... разжалобил даже, понимаете, так что я ему и компенсацию пообещал, и за неиспользованный отпуск. „Но оставаться вам, говорю, при ваших неизжитых пережитках, невозможно“. И вдруг он на это... Можете себе вообразить!! Вдруг как расстервенится:

— Не имеете права, говорит, уволить меня: не при старом режиме живем! Обязанности свои, говорит, я хорошо выполняю, а что внешние привычки у меня такие, так в них старый режим виноват, а не я! Вы, говорит, перевоспитывайте: на то вы партийные,—а на улицу выкидывать за это человека нельзя, и в Кодексе Труда такого закона нету!

Ну, скажи ты на милость, одним словом!.. И еще даже раз прямо в глаза повторил: „Права такого не имеете!“

— Ладно, говорю: поживем—посмотрим, у кого какие права. Хорошо!

И уж, конечно, после этого—никакой ему компенсации. Двадцати четырех часов, конечно, нельзя такого протухшего элемента держать: иначе— всю активную массу своей старорежимностью пропитает!

Но только знаете, что? К тому я про него и рассказываю, что как-раз дня через три после этого случая меня и сняли со всех должностей. И у меня даже данные есть, что, главным образом,— по его гнусной кляузе. А что всего-то обидней и неслучайней,— поверили обвинениям, будто я действую против всех теперешних лозунгов и применяю незаконные пережитки. Беспартийному обывательскому элементу поверили против партийного коммуниста,— и: „Спокойно, снимаю!“

Кого сняли? За что сняли? Человека, который, можно сказать, лоб расшибал за вовлечение и за активизацию низовых сознательных масс! И этот самый человек теперь снижен, неизвестно за что, из ответственных в положение низовой работы, да еще и с партбилетом получились какие-то осложнения...

Нет, товарищ дорогой: как не было справедливости на свете, так и нету.

Грамен.

„ПАПИРОСНИЦА ОТ ВУЗА“.

(Современная тема на старый мотив).

В тени стены многоэтажной,
Где лавна к лавке тесно льнет,
Где льется грохот экипажный
Сквозь узкой улицы пролет,
Там где бензин благоухает
И автобус ревет гудком,—
Мой жадный взор тебя встречает
С твоим пестреющим лотком...

Наш разговор—всего два слова;
Надежды тайной гаснет свет...
И ты, монетой звякнув, снова
Ныряешь в книжку „про скелет“...

Но вот тебя не видно что-то...
Исчез картузик голубой...
Должно быть, ты сдаешь зачеты
Перед профессорской толпой...
Они твои копают знания;
Их строгий взор к тебе прирос...
...Прощай до нового свиданья
И новых пачек папирос!

В каком ты Вузе, я не знаю,
Но каждый день, в тумане грез,
Идя со службы, покупаю
Одну коробку папирос...

Ф. Благова.

ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ.

У меня есть соседи по станку. С правой стороны тов. Октябрьский Текстиль Ильич, а слева—Попов Никандр Еремыч. Так судя по ним нельзя разрешить этого вопроса!

Становится Октябрьский к станку и, ежели лето, рожа у него, как ваксой начищена от загара, зубы и белки глаз блестят, что у твоего негра, а работа у него в руках ревет!

Что же касается Попова, то становится он к станку желтей лимона, отхаркивается каждую минуту и, сплевывая, морщится, как от кислого. Движения же у него, как у мухи при заморозках.

— Что, Никандр Еремыч, не отдохнули?

— Отдохнешь тут, туды твою двадцать! Э-эх! Жисть!

— Ну как, Текстиль Ильич? С понедельника-то ничего?

— Я, брат, в понедельник, как лошадь из конюшни! Только наддай ходу!

И только тогда кое-что стало мне ясно, когда я провел по одному воскресенью с каждым из них.

С Поповым сидели мы как-то в жаркий день в его комнатке в одном из переулков Красной Пресни и пили пиво.

— Ты на воблу-то, на воблу принялся!— говорил Никандр Еремыч, сгоняя с воблы тучи мух.—Замучили проклятые на отделку! И откуда злыдни берутся? Кажись и окон за все лето не открывал...

— Душно у Вас, Никандр Еремыч!

— А ты пей! Прохлаждает. Одно средство от духоты—пиво!

Вечером мы ходили с Поповым гулять, заходя во все пивнушки.

На следующий день, когда я стал к станку, от меня отсвечивало желтым и, сплевывая, я говорил:

— Отдохнешь тут... Ну и жисть!

А с Октябрьским...

Утром мы купались и грелись на солнышке.

— Спалит!—опасался я, закрывая голову.

— Загорай, брат, загорай! С загаром всю дрянь из тебя выпрет!

Когда мы сажались в лодку на весла, кожа у меня шипела.

— Всем корпусом налегай, шляпа! учил Октябрьский. Да ты не жеманься! Грудью-то, грудью работай! Не рассыплешься!

На следующий день у станка я шелушился, как после скарлатины. Моя физиономия отбрасывала на все предметы красный отблеск. Мускулы ныли и просили работы.

— Наддай!—говорил я сам себе.—Ого-го! Я, брат, сегодня, как паровоз из депо!

В. Авилов.

ДЕЛА КАНЦЕЛЯРСКИЕ.

Рис. К. Елисеева.

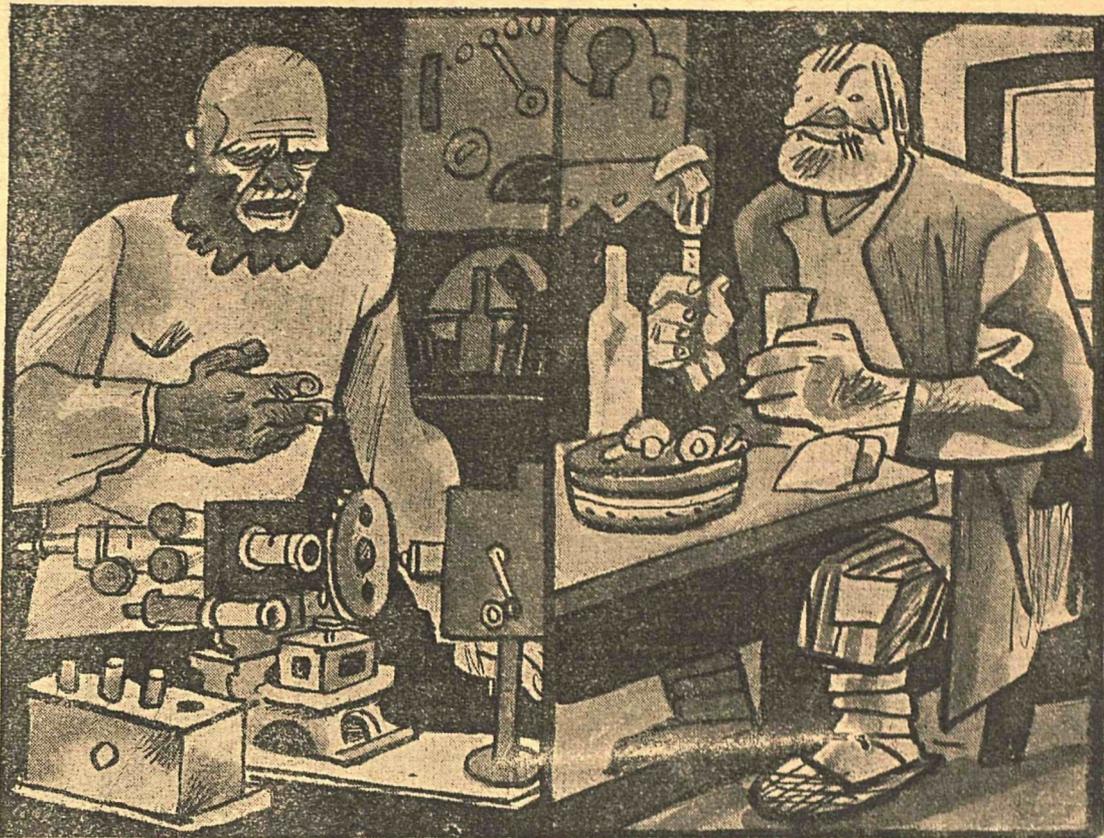

— А вы не боитесь, Иван Иванович, в стенгазету попасть?
— Конечно, нет: я же член редколлегия...

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.

Наука открыла в зерновом хлебе пьяный грибок.

Рис. Ив. Малютина.

УЧЕНЫЙ.—Если семена заражены пьяным грибком, то из пяти пудов урожая крестьянин теряет 1 пуд.

САМОГОНЩИК.—Врут все эти ученые: у меня под этот самый пьяный грибок разве 1 пуд ушел?— Все пять!

РАДИОНЕПРИЯТНОСТИ.

— Мамка, дурка, паршивка, купи радиоприемник! Мамка, дурка, купи радиоприемник! Сто лет тебя проси-и-ты!

Над Котиком в позе полной беспомощности стояла Софья Марковна и уговаривала его плачущим голосом:

— Перестань, Котик, сыночек мой дорогой... Золотко мое, перестань! Папа занимается, ты ему мешаешь своим поганым ревом, противный мальчишка! Перестань, а то я тебя сейчас выпорю!

— Вот!—трагическим тоном заговорил Федор Львович:—всегда так у нас. Я должен одной своей бедной головой думать о делах, о том, чтобы заработать на кусок хлеба с маслом, но дома я даже этого сделать не имею возможности. Мче мешают. Из-за какого-то паршивого радиоприемника мне всю душу выворачивают!

— Да я-ж сейчас его выпорю!—простонала Софья Марковна.

— Прекрасная система воспитания, нечего сказать!—иронически усмехнулся Федор Львович:—физическое воздействие из Домостроя в 20-м веке! А вся-то эта музыка стоит максимально пять червей. Мое спокойствие, я полагаю, стоит подороже!

— Если ты находишь нужным...—пролепетала Софья Марковна.

— Ясно, что нахожу!—сказал Федор Львович:—наш век—век радио. В магазине, где будешь покупать радиоприемник, тебе порекомендуют техника, который все устроит. Вот и все!

— Ты, мама, гадина, а папа—прелесть!—заявил, вставая с пола, маленький Котик.

Через три дня за обедом маленький Котик спросил:—Мама, почему сегодня трубка радиоприемника кричала: „Алло! Алло!“?

— Это значит—мало!—ответила Софья Марковна:—супу ты ешь мало. Трубка, Котик, все знает!

— Ну, тогда я съем еще одну тарелку супа!—вздыхнул Котик.

Обдумывавший за обедом сложную коммерческую комбинацию, Федор Львович усмехнулся и шепнул жене:—Вот видишь... И с радиоприемника бывает маленькая польза.

— Кстати, я забыла тебе сказать,—крикнула ему вслед Софья Марковна:—там тебе какой-то пакет принесли. Я положила тебе на стол.

Федор Львович схватил со стола пакет, извлек из него бумагу, взглянул на нее и в волнении зашагал по кабинету.

— Чорт возьми!—забормотал он:—неужели они пронохали про мои оптовые операции? Ведь, официально у меня только паршивый ларек на Сухаревке. Думал, что червонцев на пятьдесят обложат, а они—четыреста.

— Папа!—вбежал в кабинет Котик:—трубка опять кричит: „Мало. Мало!“

— Убирайся вон, гадкий мальчишка!—вскричал Федор Львович:—не мешай мне работать!

Котик капризно надул губы и выскочил из кабинета.

— Здорово-таки загнули!—тоскливо продолжал размышлять Федор Львович:—четыреста червонцев! Что про мои оптовые операции пронохали—факт. Они пронохают! Нюх у них есть, чорт бы их дра! Как бы с таким нюхом они про эти дутые векселя и про комбинации с Дымбумтрестом не пронохали! Тогда это уголовным кодексом с парой статей пахнет. Эх, чует мое сердце... Дадут с изоляцией годика три...

— Мало! Мало!—вскричал, вбегая, раскрасневшийся от восторга Котик:—трубка опять кричит! Папа, что это значит?

— Это значит—пороли тебя мало!—свирепо зарычал Федор Львович:—вот что это значит! Иди сюда, я тебя выпорю, гадкий маленький мерзавец!

Н. А. Карпов.

УЖАСНО ПАРТИЙНЫЙ.

Я удивленно спросил у ответственной с'емщицы:
 — Очень странно... такой квартирный кризис и вдруг выехал?
 — Сбежал бедняга, сбежал... прощептали беспокойно ее губы, цвета потемневшей говядины.
 — Гм... Странно... Чудно... Такая замечательная комната.. только вот эта фанерная перегородка меня смущает... Кто там живет?
 Ответственная с'емщица поблднела, покачнулась и, нагнувшись ко мне, прошелестела:

— Там живет Н. Захаров с женой и мальчиком... О, он ужасно партийный,—и, ещё больше сгорбившись, выкатилась из комнаты..

Как все хорошо и просто бывает, когда судьба улыбается. Еще вчера я мечтал о чулане, клетке, сарае, но лишь иметь свой угол, где можно было-б спокойно работать. А сегодня... Сегодня праздник... В моем распоряжении 19 кв. аршин.

И я запел, Ура! Мы победили, и враг бежал, бежал, бежал...

В фанерную перегородку застучали, и чей-то визгливый тенор крикнул:

— Эй, вы там... не забываетесь.

— А что?

— А то, что зря кричать „ура“ нечего. По какому лозунгу кричите?

— Да так, просто, без лозунга. От радости, что комнату нашел...

— Просто так кричат несознательные.. и беспартийная сволочь... Впрочем я к вам сейчас приду.

В комнату вошел низенький толстый человек с огромными усами и предстал:

— Н. Захаров. А что я за личность, так вот прочтите и узнаете,—и ткнул мне местную газетку „Красный Луч“, где было напечатано:

Уважаемый тов. редактор.

Случайно я узнал, что в нашей губернии в 1905 г. проживал некий эсер Захаров. Так как и моя фамилия Захаров, то прошу не смешивать. С этой подлой партией я ничего общего не имею, в виду того, что я еще с детства стою на точке ленинизма.

Долой мировых хищников, меньшевиков, фашистов и пр.

С революционным приветом Н. Захаров.—

— Вот кто я, а теперь позвольте узнать, кто вы? Чем занимался ваш дедушка? И почему у вас на стенке мало портретов вождей?

Я смущенно сказал:—Собственно, какое вам дело?

— Как какое дело...—завел Н. Захаров.—И я, и все трудящиеся СССР обязаны узнать, кто вы такой... Может быть, вы агент Антанты? Мало ли кто? Сейчас подкапываются к завоеваниям нашей революции и... мой долг стоять на страже интересов...

Вот уже месяц, как я живу в соседстве с Н. Захаровым. Вот уже месяц, как я каждое утро слышу, когда Захаровы просыпаются и когда ложатся,— „Вставай, проклятым заклейменный“...

Каждый день во время обеда я слышу, как звенит посуда и один и тот же вопрос Н. Захарова:

— Что у нас сегодня на 1-е.
 — Красные щи,—отвечает его жена...
 И всегда когда, сын его, 7-летний мальчик, начинает рассказывать:
 — Иду это я с Васей по бульвару, вдруг в наши стальные ряды врывается какая-то старуха; его перебивает строго отец:
 — Сколько раз я тебе говорил,—раз говоришь старуха, то надо сказать „чуждый элемент“...

После обеда Н. Захаров начинал обход всех жильцов.

Сегодня так же, как и всегда, он пришел и сказал:

— Вы почему такой грустный, товарищ? Надо быть жизнерадостным. Производство налаживается, и мы твердыми шагами медленно, но верно восстанавливаем свое хозяйство, и скоро наступит час, когда разлагающаяся мировая буржуазия должна будет признать наше могущество. Близится час, когда все рабочие и крестьяне осуществят...

— А-а-а,—взревел я.—Я грустный потому, что у меня живот болит.

— Живот? Совестно жаловаться на такой пустяк во время революционной борьбы... Сейчас я вам прочту свою заметку „Пора“ и он читал:

— Странно и возмутительно, до сих пор у нас существует переулочек, который называется Пшеничный. И меня и всех трудящихся корбит это название. В то время, когда можно было бы с успехом заменить его, скажем, на „Красный“ или какую-нибудь фамилию вождя. И чего смотрит Ком. Хоз? И нет ли здесь какой-нибудь контр-революции? Вот что интересует меня и всех партийных товарищей. С рев. приветом. Н. Захаров.

— Гм... сказал я и спросил неуверенно... А вы с какого года в партии?

— Что за вопрос! Я официально не состою в партии, а неофициально еще с подполья,—сказал гордо Н. Захаров и посмотрел на меня так испуганно, что я почувствовал, что этот вопрос—его больное место.

— А! Значит вы беспартийный?—радостно вскрикнул я.—Значит вы меня обманывали!

— Да я ведь и не говорил... что партийный... да я... да что вы кричите...

Но я орал во-всю, хотел, чтобы слышали все мои несчастные товарищи, так долго терпевшие его гнет...

Он что-то шептал, умолял, но я не слышал и крыл его „контр-революционером“, „врагом революции“, „агентом хищников“...

Ах, как приятно было потом слышать, как за фанерной перегородкой стонал Н. Захаров.

Больше он не заходил в мою комнату. Больше он не писал статей.

* * *

Через 2 месяца, когда я уже переехал в другой город, мне попала в руки газета „Красный Луч“. Увы! На последней странице я читал: „Письмо в редакцию: И меня и всех трудящихся возмущает до глубины души тот факт, что на 8-й год революции у нас до сих пор существуют такие названия вроде „Белые ночи“, „Белое море“. Эти названия режут ухо истинных сынов революции и рабочего класса. И не пора ли кому следует обратить должное внимание на это возмутительное явление и нет ли здесь какой-нибудь контр-революции?“

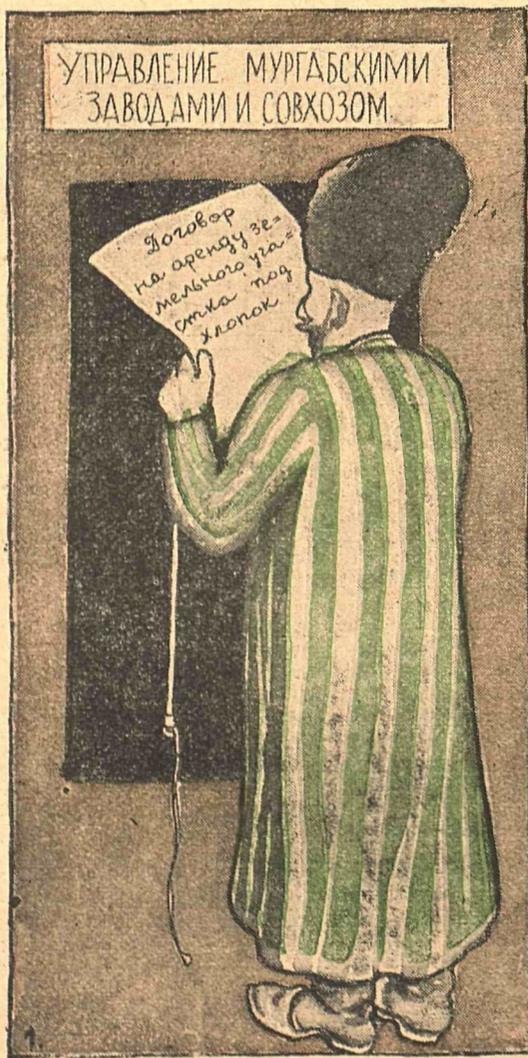
С рев. приветом Н. Захаров.

Б. Левин.

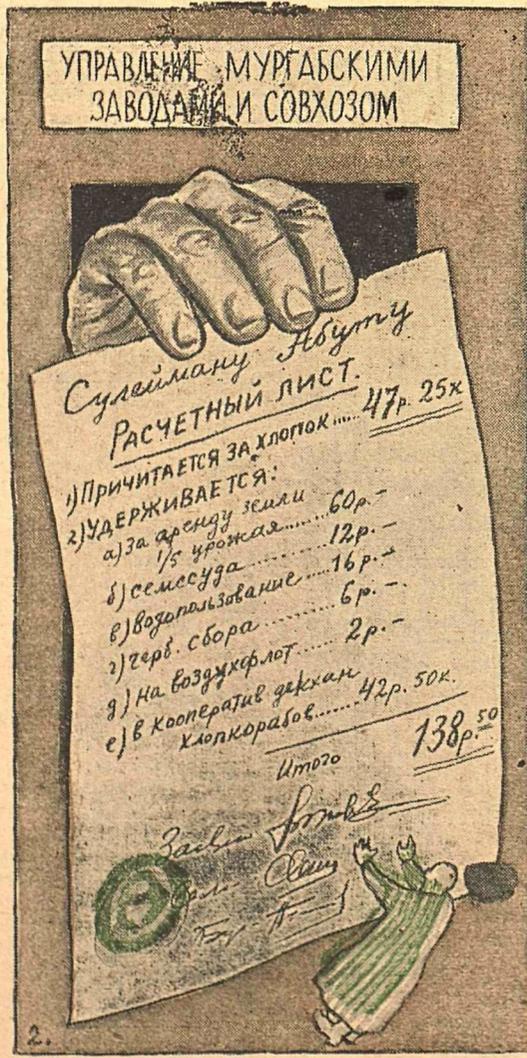
КАК СУЛЕЙМАН-АБУТ АРЕНДОВАЛ ЗЕМЛЮ.

(Из сказок Востока).

Рис. Л. М.

Подписал Сулейман-Абут договор на аренду земли.

После сбора урожая Сулейман-Абут стал рассчитываться по договору.

После этого стал он уже не Сулейман-Абут, а Сулейман разут.

БЛИЖЕ К ЖИЗНИ!

(Идеализм и практика революции).

Рис. Ю. Ганфа.

Борьбу с контр-революцией идеалисты и романтики представляют себе как богатырский бой с гигантской гидрой.

А на самом деле эта борьба хоть и трудна, но выглядит совсем неэффектно.

Очень многим пришествие социализма мерщится, как триумфальный въезд какой-то Левы Революции.

А она уже пришла, эта дэва, в образе хорошей продавщицы керосина в кооперативе.

О строительстве социализма многие мечтают по фантастическим романам.

А оно совсем нефантастично. Построить жилище для рабочего — вот очередная задача социалистического строительства.

НАЧКАНЦ И МАЙ.

Прекрасный Май! О, как ты нужен
Тем, кто носы уткнул в бумаги...
Начканц Иван Петрович Лужин
Носил потертый френч и краги.

Зимой он смотрел так зжуро,
Он разговаривал так сухо.
Был нуден, как... регистратура,
И скучен, как баланс главбуха.

Напрасно машинистка Надя
Ему пыталась делать глазки:
Он проходил, сурово глядя,
Далекий от сердечной вострапки..

Когда же Май с улыбой солнца
Влил в кабинет лучи и шумы,—
Как от прибавки в 3 червонца,
Повеселел начканц угрюмый.

Он написал машинисткине
О страсти знойной и пальцей,
Но... на любовной той записке
Поставил номер „исходящий“.

Привычка входит нам в натуру
И причиняет бед не мало...
Случилось так: в регистратуру
Записка нежная попала.

Потом, согласно строгим правилам,
Пошла на подпись и заму, и заму...
А пред, когда печать поставил,
Начканца вызвал на расправу:

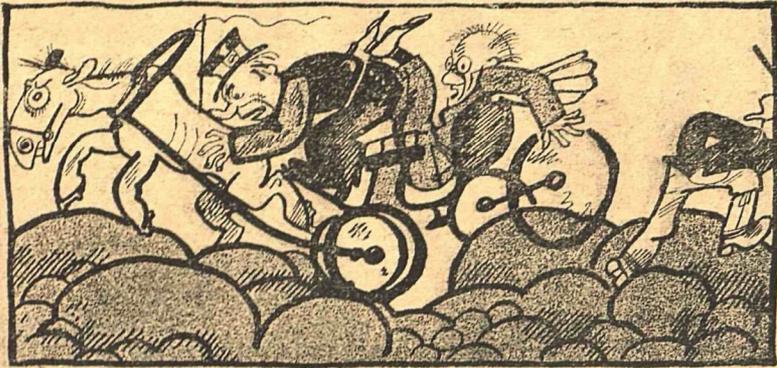
— Не допущу,— кричал сердито,—
Чтоб в нашей канцелярской части
Велась не просто волокита,
А по делам любовной страсти!..

Опять начканц угрюмо-бледен
И холоднее шуки стящей...
Там даже в Мае людям вреден
Документный номер „исходящий“!

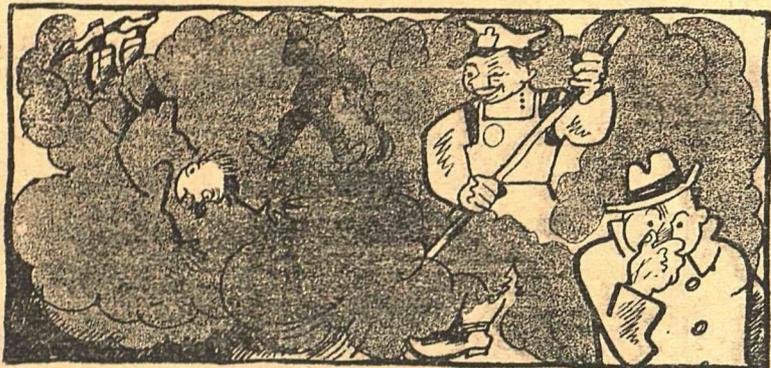
Д. Долев.

КАК ВЕСТИ ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СО СЛАВОЮ И ЭКОНОМИЕЙ.

Рис. К. Ротова.

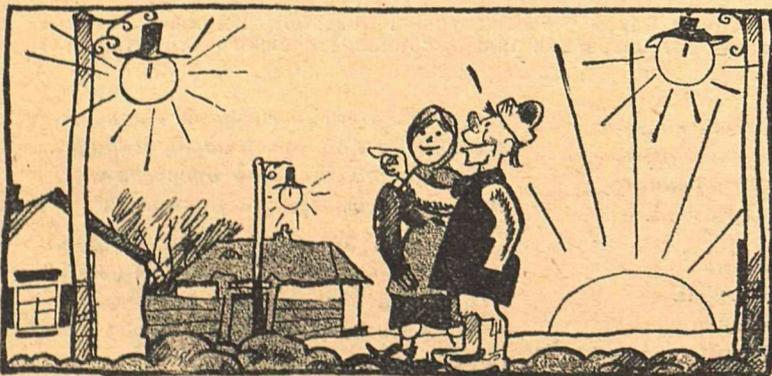
1. Мостовую надо мостить так, чтобы жители пользовались ею без излишества. Тогда мостовая долгие годы сохранится, как новая.

2. Подметать ее следует в часы, когда население города идет на работу, или с работы. Этим достигается экономия в транспортных расходах, ибо значительную часть мусора жители уносят в своих легких совершенно бесплатно.

3. Поливать улицы можно не только без особых на то расходов, но и с экономией, сокращая путь следования ассенизационного обоза.

4. Освещение города рекомендуется производить только в яркие лунные ночи, ибо тогда освещение действует лучше и граждане обращают на него больше внимания.

ВЕСНА.

Ласково светило солнышко, весело резвились ребятишки, улицы европейских столиц, переполненные разноцветной публикой, по яркости напоминали разбивную яичницу с луком. На углах стояли старики-инвалиды с бляхами и продавали какие-то рукописные листки, равнодушно возглашая:

— Подлинное письмо Зиновьева о немедленной революции в нашем городе! Вот подлинное письмо Зиновьева!

Коммерция их плохо шла. Разве какая-нибудь старушка, возвращаясь из костела, соблазнялась возможностью за гривенник приобрести уверенность в близком и неотвратимом конце света. Обычно прохожие даже не обращали внимания на предложения инвалидов тем более, что молодые и юркие газетчики пулями летали вдоль троттуаров и предлагали еще не вышедшую из моды новинку:

— Чудо двадцатого века, необходимо для каждого человека! Новые бланки Коминтерна с надписью „с подлинным верно“. А вот, кто с руками оторвет. Налетайте граждане, — революция в кармане!

Бланки были новенькие, хрустящие, со всеми онерами. Были разные. На простых был только „отдел внешних сношений“ и „пролетарии всех стран, соединяйтесь“. Более сложные украшены были еще надписью „при ответах просим ссылаться на наш номер“, а самые лучшие, на веленовой бумаге крупными буквами и через ять сообщали в конце:

— В надежде на дальнейшие ваши почтенные заказы, имеем честь быть“.

Проходивший по улице редактор влиятельной буржуазной газеты щурился под солнышком, рассеянно слушал возгласы газетчиков, делал глазки проходившей мимо леди и вдруг, словно пронизанный чем-то насквозь, вытянулся и замер:

— Господи, боже мой! Ведь, это же весна! А у нас — ничего весеннего нет в номере.

Вытер холодный пот, взял такси и покатил в редакцию.

— Собкора из СССР!

Явившийся собкор получил жестокий нагоняй:

— Если не хотите работать, — мы вас не держим. За что вы деньги получаете? На дворе весна, а он и в ус не дует! Где восстания на юге России? Где сообщения о голодных бунтах? Где сведения о мятеже Буденного? Я за вас буду их писать?

— Я... простите, я... еще не заметил весны... Думал — рано! А я — что же? Вот Бахмач взят и... и Москва товарная! Конечно Буденный, — больше некому...

— Почему у вас вечно Бахмач! И в прошлом году его брали, и в позапрошлом. Купите себе географию и выберите город поновее!

— Я не виноват... Почему-то принято Бахмач брать! Традиция такая. Я что ж?

— Ну, чорт с вами! Бахмач, так Бахмач. Но — немедленно! И пошлите ко мне заведующего внутренней хроникой.

Внутренней хронике влетело не меньше.

— Какого дьявола вы сидите? Где работа агентов Коминтерна? Где подпольная деятельность советской миссии? На дворе весна, а вы как в рот воды набрали?!

— Опасался... После признания-то... Как бы чего не вышло... Дипломатические осложнения...

— „После признания!“ Что же, по-вашему, после признания весны не бывает? Весна — всегда весна! Чтоб были мне адские замыслы коммунистов и террористические акты членов советской миссии!

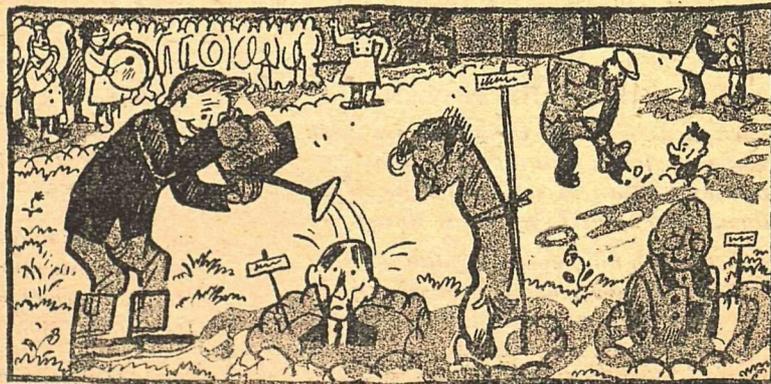
На утро все газеты вышли с громадными подзаголовками о восстаниях на Украине и в РСФСР, об отделении Чувашской республики от СССР, о появлении таинственного флота на Москве реке, о захвате Ленинских гор передовыми отрядами Подвойского и об аресте Буденного. Хроника пестрела заметками о том, как, благодаря зверским наклонностям коммунистов, отравились колбасой целое семейство честных торговцев, как двухлетняя девочка, в результате происков советской миссии, попала под трамвай, как агентами Коминтерна были украдены у почтенного гражданина золотые часы и о прочих зверствах Москвы.

Еще выходявшие русские белые газеты с торжеством сообщали, что по самым достоверным сведениям большевики продержатся не более двух недель.

Маршал Фош решил проехать в Польшу, Болгарию, в промежутках между расстрелами рабочих и крестьян, мечтала о военном союзе с Румынией, в Риге шла перманентная конференция генштабов прибалтийских государств, Чемберлен настаивал на разрыве сношений с СССР, в Польше судили Ланцуцкого.

Весна была в полном разгаре.

Вл. Павлов.

5. И если отцы коммунары действительно выполняют сию производственную программу, то благодарное население устроит в их честь праздник древонасаждения.

Рис. К. Ротова.

Вот „выход“, которого с нетерпением ожидает публика! Это выход некоей акробатической семьи, тепло и уютно устроившейся в цирке.

ЦИРК.

„На ряду с признанными актерами в провинцию выезжают из столицы шарлатанские группы в виде концертантов и циркачей. Мол провинция—дура, все проглотит“.

(Из корреспонденции).

Городочек наш, Сплюйск, хотя с виду маленький, но театр в нем доподлинный „Гигант“ имеется и играет там русская драма, как то: Градов-Канторович (талантливый сын сапожника с Зеленой улицы), Иванов (он же—Цудечкес, студент высшего начального училища, каковое не окончил по причине театрального призвания), премьерша—Соня Сплюйская (по случаю девичьего аборту—заброшенная родителями), комик Бендельстон и комичная старуха Ашке-нази (из безработающих акушерок). Из каковой и вышеперечисленной труппы прѣставляются у нас: „Сын четырех отцов, или ура папочка, а вот и я!“ и „Вера Мирцева“, каковая не столько революционная, сколько трогательная пѣска и вызывает в зрителях каждовечерние слезы. Но позвольте, вас спросить,—сколько слез может потратить каждый зритель, ежели с осени и до весны целый сезон только и видишь „Ура-Папочку“ и „Мирцеву Веру“. Сегодня—„папочка“, завтра—Вера, послезавтра опять „папочка“, за „папочкой“—„Верочка“, за „Верочкой“... В общем сказать—ежели кто и ходит в наш „Гигантик“, то все больше по контрамарке. Она—бесплатная. Не хочешь, а пойдешь—ежели за бесплатно...

...И вот однажды: в базарные часы об'является на стенах при-езжая и разноцветная афиша и где написано:

„Дорогие граждане города Сплюйска и его окрестностей! В заботах о том, чтобы искусство досталось трудящимся, а также в бескорыстных целях циркового просвещения пролетария всех стран, в г. Сплюйск прибывает столичный галла-цирк с нижеследующей программой, как-то:

- 1) Трио Вульф и Ко (опасные воздушные номера с нервным потрясением).
- 2) Несравненная мадемуазель Ирин Шпана (игра на мандолине при благосклонном участии всех четырех конечностей).
- 3) Аркадий Пистолет (человек с луженым желудком, питается огневыми припасами в горящем виде, что и будет исполнено с участием местной пожарной команды).
- 4) Комики и шутники: Народный шут с гармоникой—Бимба и международный шут Чирий и наконец в заключение—злоба дня: человек—революция, знаменитый Адольф Знайнаших исполнит при посредстве головного прибора, именуемого черепом, перемещение всего организма в обратное состояние.

Для пролетаристов, со скидкой на стоимость билета.

Спешите видеть! Потарапливайтесь!!!

И взволновалось наше Сплюйское население: то все из вечера, в вечер „Вера“ с „папочкой“, а тут извольте: Трио Вульфов, несравнительная Ирин Шпана и злоба дня—Пистолет... Такая очередь за билетами вытянулась, какой и в продуктовые годы у нас не было. Потянулись всем сплюйским населением к пожарному сараю, где уже подготавливался цирк.

— Граждане, не напихивайтесь!—кричал цирковой директор—граждане, поймите в виду, что нашему воздушному трио никак нельзя работать в безвоздушности.

Ну в общем представление в известный час открылось, и воздушное трио птичками летало друг через дружку, пока одна такая птичка, сорвавшись не сиганула прямо в народ, тут и началось не столько нервное потрясение, сколько всеобщая толчея с криком:

Пожар!

Когда же все улеглось, то обещанная мадемуазель Шпана играла на мандолине двумя передними конечностями, обещавши доиграть двумя другими конечностями в другой раз. И все на это сказали: Bravo!

Также по случаю огнеопасности помещения, человек с луженым желудком питался огневыми припасами без горения, давши слово, что таковые возгорятся уже во внутри желудка с повышением температуры вплоть до кипения. И всем подобное об'яснение очень понравилось, кроме одного подозрительного гражданина, неоднократно замеченного в контреволюции, который во всеобщее услышание сказал, что вышепоказанное есть чистый обман и требовал номеров с кониной, говоря что настоящий цирк без этого не бывает.

Ему на это возражали, что теперь не голодный восемнадцатый годик и что можно без конины обойтись.

А тем временем перед всеобщим вниманием уже устанавливался главный номер в смысле Адольфа Знайнаших, который, задравши ноги кверху, стоял уже на голове и правой ручкой делал поцелуй по разным направлениям.

И ему так громко кричали „браво“, что он, дважды потерявши головное равновесие, окончательно стал на ноги, по случаю чего представлению был положен конец, и люди расходились по месту жительства, говоря с восторгами:

— Вот это, да! Вот это умственное зрелище. Стоит себе человек на мозгах и никаких тебе руб двадцать! Ум-то какой в человеке должен содержаться, чтоб выдержать... Вот она—столичная культура... это вам не „папочки“ с „Верочками“!

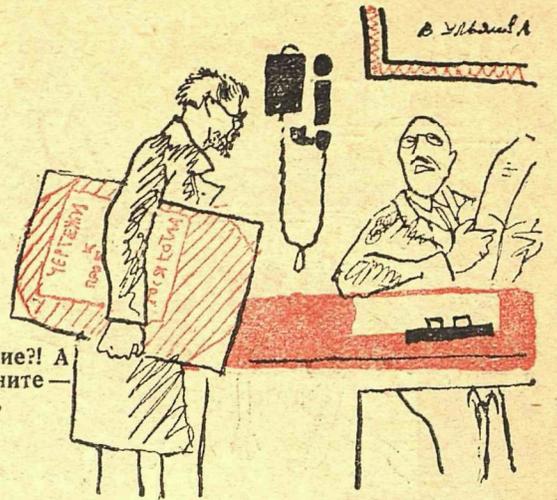
Л. Митницкий.

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ...

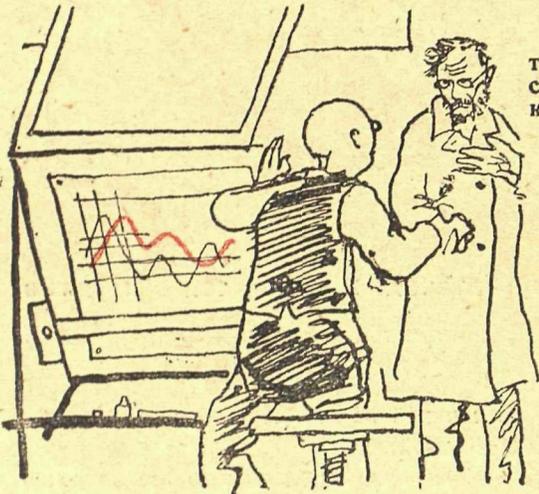
Рис. Н. Купреянова.

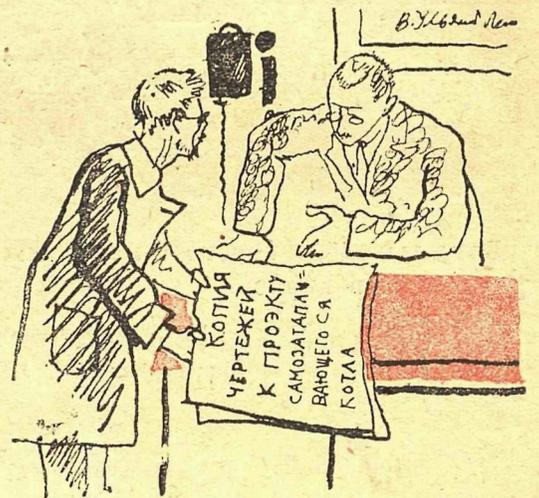
1. И пошел изобретатель со своим изобретением в Москву.

2. — Что? Как? Изобретение?! А копия чертежей есть? Извините — без копии мы не принимаем.

3. И пошел изобретатель к чертежнику. И отдал чертежнику последние деньги за изготовление копии.

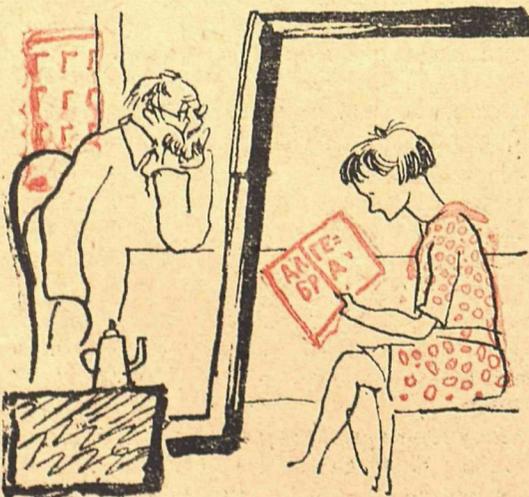
4. — что, как? Копия? Очень приятно! А выписка из домовой книги у вас есть? А свидетельство об оспопрививании есть? Есть. Гм... В таком случае оставьте ваше изобретение. Мы его детально рассмотрим. До свидания. Заходите как-нибудь на днях. Годика через три-четыре. Впрочем, мы вас известим.

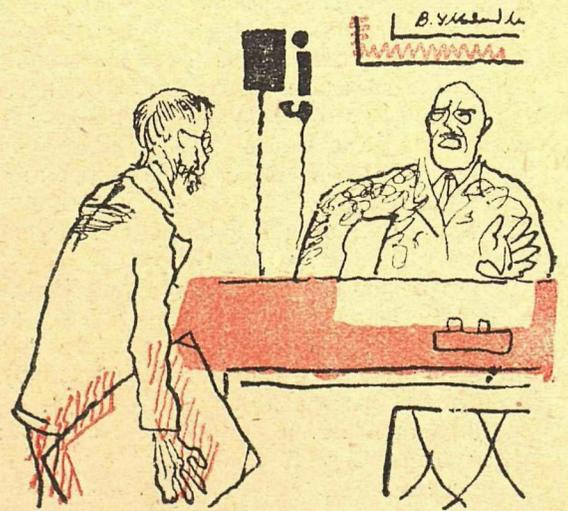
5. И пошел изобретатель, палимый солнцем, домой (см. картинку № 1). И пришел домой, и стал ждать. Ждал год.

6. Ждал два.

7. Ждал три. Ждал четыре. А из Москвы ни гу-гу. Подождал изобретатель еще немного и пошел в Москву, палимый солнцем. (См. картинку № 1).

8. И пришел изобретатель в Москву и спросил изобретателя: — Ну как же насчет моего изобретения?

— Опоздали-с, товарищ. Уже ваше изобретение изобрели в Германии год тому назад. Досвидания!

И пошел изобретатель домой, палимый солнцем и обдуваемый нежным полевым ветерком (опять см. картинку № 1) и т. д. и т. д. Чего и вам желаем в делах рук ваших, дорогие изобретатели.

ВРАЧУ! ИСЦЕЛИСЯ САМ!

Городские врачи неохотно принимают предложения работать в деревне, предпочитая деревне город.

(Из доклада).

Рис. А. Радакова.

В деревне на одного врача приходится десятки больных.

А в городе есть десятки таких врачей, на долю которых приходится один больной, да и тот здоровый.

Рис. Ив. Малютина.

Участились растраты общественных денег.
(Из газет).

УМРИ, ДЕНИС!..

На Урале журнал „Маховик“ махнул такие беспардонные стишки:

КОНФИСКАЦИЯ ГЛАЗ.

На расширенном пленуме моей души
Вчера разбирался вопрос о вас
И вот этот пленум твердо решил
Конфисковать у вас пару глаз,
Если смотреть вопросу вглубь—
Делегацию чувств я не зря приволок,
В моем сердце, похожем на комсомольский клуб,
Я устраиваю Ленинский уголок.
И, вот, глаза ваши—пара зеркал
Нужны для оборудования сердца моего,
Для того, чтоб посетитель—революционный закал
Приводился в порядок боевой.
Пленум души решение свое
Поручил мне исполнить. Но как—
Знаю только, что нам вдвоем
Нужно составить какой-то акт.

Денис Ляховец.

Хорошо еще, если Денис намекает на акт в Загсе... А если про другое? Кстати, Денис утверждает, что его сердце похоже на комсомольский клуб. Разве на Урале в комсомольских клубах развито хулиганство?

ПОДЗЕМНАЯ ВОЗНЯ.

По поводу повести „Роковые Яйца“ в книжке „Недра“, „Крокодил“ получил письмо, в котором отмечается, что под такой повестью мог бы подписаться любой эмигрант-белогвардеец. Ничего не поделаешь. В малоисследованных недрах всегда могут оказаться какие-нибудь аномалии.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

ПОСЫЛАЙТЕ НАМ МАТЕРИАЛ

ДЛЯ

ВИЛ В БОК!

— Здорово повеселился наш дорогой председатель...

— И верно—дорогой!.. Он веселился, а денежки наши, видно, плакали...

МОСТ.

У села „Девичий Рукав“—речка. Через речку—мост. Мост сломан. Два года тому назад провалился на этом мосту председателев зять Антип Криворуков. С той поры мост так и стоит. И лежат на нем две полусгнившие спицы от криворуковской телеги.

Зимой на сходе собрались земляки чинить мост. Все обговорили: и кому за лесом ехать, и кому работать, и с кого—деньгами. Прохор—плотник даже на рукавицы поплевал. Да вышел тут Денис Криворуков, Антипа Криворукова деверь. Вышел и говорит:

— Чего зря людей заботить. Какое сейчас время? зима. Зима—она зима и есть. Какой путь? Саньный. Где хошь—там и езжай... Ну? На кой же ляд мост нам теперича мостить? Придет весна—ну тогда и разговор пойдет другой...

Мужики в затылках почесали. Почесались да сплюнули. Сплюнули и решили:

— Верно, язви его!.. Дело Денис говорит. Микола зимний на носу, приготовиться надо, а тут этот мост... Ляд с ним и с мостом-то...

На весеннем сходе против постройки моста никто не говорил. Совсем-было собрались людей наряжать, да зачесал вдруг Семен Талпыгин в голове. До того человек зачесал, что все на него уставились: какая такая мысль в голову ему блеснула?

А Семен отчесался да и говорит:

— Мост, конечно, вещь первая. Прямо я так скажу—необходимая вещь. И починить нам его хошь не хошь, а надо. Только уж за одно бы с ним и дорогу всю надо выправить. А то, вель, у нас под гору—без хомута, а в гору—в три кнута... Так я говорю, ай нет?

Ну, конечно, Семена все тут очень поддержали:

— Верно, мол. Такая дорога, что только по ней и езды: сам в корню—две лужки в пристяжке.

А Семен дальше говорит:

— Вот и думаю я так. Чинить—так уж все чинить. А сейчас—неподручно. Весна, грязь, бездорожье. Нешто можно какую починку сейчас затевать? Подождать уж до лета. А мост—что ж мост? Мост—не великий тот,—можно и обехать.

Помозговали мужики:

— Верно! Сейчас с мостом возиться—грех один. А летом... летом мы такую дорогу наладим... я те дам!

Жарко было летом на сходе. Дышали мужики, как рыбы без воды, спешили скорей сход закончить. И спросил под конец председатель:

— Ну так как же мост-то? А?

Все долго молчали. До того долго, что заговорила Ануфриха-солдатка:

— Эва! Собрались: где вы раньше-то были? Спину от работ не разогнешь,—а вы тут с мостом. Высохло все, третью неделю по руслу дорогу проложили—а они—мост! Хоть и бородастые вы,—а ума в вас ни на полушку! Ну! Чего зенки-то уставили?

Переглянулись мужики:

— Верно! Баба,—а дело говорит. Кончай сход! Спечешься тут, как картошка!

Осенью на сходе народу было мало: моросил мелкий дождик и все Криворуковы готовились к крестинам: председателев зять Антип Криворуков сына крестил.

Когда зашла речь про мост, заговорил Арсений Твердохлебов:

— Так я скажу. Хлеб у нас нонечки, слава богу, уродился. Можно сказать, жаловаться нельзя. Будем говорить,—зря жаловаться не следует. Так? Так! Что из этого я соображаю... Если кому до нас какое есть дело: купить там чего или, скажем, продать—должен он к нам приехать или нет? Должен. Мост, конечно, вещь необходимая... Ну только, ежели кому до нас дело есть,—тот не посмотрит—есть мост или нет. Уж он свое возьмет... Вон к Городищенским приезжали—восемь верст крюку делали. А у нас всего и разговору то—четыре версты... Вот погоди, к зиме дело пойдет—живы будем здоровенный мостина выстоим. А сейчас—не наш антирес...

У села „Девичий Рукав“—речка. Приходится речку об'езжать верст за пять. Говорят, был когда-то через речку мост. Да вруг наверно. Не было моста—зачем он?

Вас. Лебедев-Кумач.

ВИАРЫ В БОК

МСТИТЕЛЬНАЯ КРЫСА.

Жалуются „Крокодилу“ рабочие 1-ой Образцовой типографии.

— „Развелось у нас много крыс. Пришли крысоловы—всех перетравили. А теперь дышать нечем, от дохлых крыс такая вошь, что хоть из типографии беги“.

Ребята! Не мстит ли вам за истребление крысиного племени какая-нибудь канцелярская крыса? А?

ГРЯЗЕВЫЕ ВАННЫ.

„На заводе им. Свердлова (ст. Растяпино) ожидалась комиссия из Нижнего-Новгорода. Когда об этом узнали, то началась усиленная уборка в цехах, так как грязь там была непроходимая“.

Чаше бы ездили туда комиссии. А то неровен час замешкают и завода, как не было.

Захлебнется в собственной грязи. И каюк. Очень даже просто.

СПЕШНАЯ ПОЧТА.

Товарищи! Не пишите часто письма. Зря только марки переводите. Судите сами:

Письмо, адресованное рабочему химзавода т. Щербая ст. Максатиха, Тверской губ. было послано 11-го июля 24 г.

На конечную почтовую станцию Семеновское-Лапатное, Кинешемского уезда пришло 15-го июля 24 г. Отсюда до химзавода 18 верст, а письмо в руки адресата попало лишь 24-го марта 1925 г.

Ну, какой же смысл после этого писать! Когда письмо расстояние 18 верст покрыло в течение 8 месяцев и 9 дней. Тут только один смысл—покрыть кого-нибудь. Да, хорошенько.

ГОЛОС ВОПИЮЩЕГО В „ПУСТЫНЕ“.

Вот кому действительно солоно пришлось—это обитателям дома инвалидов в бывшей Лукьяновской пустыне.

— В пищу соли не кладут. Умерших хоронят в чем мать родила—так как гробов нет. Курающим даже по 1/4 фун. табаку и то не дают.

Не хороший там завхоз. Злой дядя... И неудивительно, ведь, чай, и он бродит по пустыне словно не солоно хлебал...

ПРАВОЖИТЕЛЬНОСТЬ.

Есть на свете люди добрые. Есть еще отзывчивые сердца. Не верите? Читайте сами!

Выписка

из протокола № 15 заседания президиума Межинского райисполкома от 10/III 25 г.

С л у ш а л и: Тарифное соглашение, заключенное между Райисполкомом с одной стороны и Райпрофобром с другой.

П о с т а н о в и л и: п. 28—За отсутствием коммунальных домов в районе, медперсоналу предоставить право самим и за свои средства подыскивать квартиру...

Вот это что называется—„пошли навстречу медперсоналу“. Дали право подыскивать квартиру. Во-о. Это тебе не фунг. Спасибо, соколики! Век не забудем.

СМЫЧКА С НАМОРДНИКОМ.

На-днях в селе Благовещенском, Ирбитского округа, Уральской области получен преис-курант Мосторга, предлагающий широким потребителям провинции простые кровати в 210 руб., умывальники в 325 руб. и т. д. Есть и дешевые вещи, напр., намордники для собак—1 руб. 50 коп.

Единственно подходящая из всего преис-куранта вещь—намордник. Придется его одеть на цены Мосторга. Больно они кусачие!

С ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ.

Местком Екатеринбургского райкоопа Обухов в заседании от 14 марта постановил: „Поставить в известность неуплативших членские взносы, что к 20 числу они будут сняты с работы без предупреждения“.

А куда делось добровольное союзное членство? „Крокодил“ не так строг, он делает только предупреждение зарвавшимся месткомцам и напоминает им, что их работа выборная.

НОВЫЙ ВИД РАДИОЛЮБИТЕЛЬСТВА.

В городе Ленинске, Сталинградской губ. работала приемная радиостанция до тех пор, пока Зав. Уезд. Коммун. Отделом т. Тершуков не вломился в квартиру радио-станции со своими родственниками и не занял ее под жилье. Так как нового помещения станции не дали, то пришлось ее закрыть.

Тов. Тершуков—вот это радиолобитель, даже мимо квартиры радиостанции равнодушно пройти не может.

СПОКОЙНО СНИМАЮ!

„В фаб. бане с. Кохмы, Иван-Вознесенск. губ., крадут белье и одежду у моющихся рабочих. Иногда им приходится идти домой голышом, прикрывшись веником“.

Мы знаем, что еще делает по совместительству зав. баней. Он председатель местного общества „Долой стыд“.

КОНСТИТУЦИЯ ДАНИЛОВА.

Председатель сельсовета дер. Пихтулинской, Чебоксарск. вол., Данилов в объявлении насчет собрания для перевыборов сельсовета заявил, что все мужчины в возрасте от 18 до 55 лет и женщины от 18 до 50 лет должны явиться обязательно. За неявку сельсовет, согласно конституции, наложит штраф в сумме 50 коп.

т. Данилов все-таки женщинам поблажку сделал. Пять лет им скинул. Щедрый мужчина, что и говорить. Интересно только знать, в какой это конституции он насчет 50 копеек вычитал?

ВЕРХ ВЕЖЛИВОСТИ.

РСФСР

Земетчинский Гос.

Сахарн. завод

Смирновский хутор

Февраля 25 дня 1925 г.

№ 72.

СПРАВКА.

Выдана настоящая справка ветврачу т. Феофилактону в том, что им действительно сделан визит хуторской лошади.

Зав. хутором: (подпись).

Интересно знать, как принимают земетчинские лошади, с предварительным докладом, или без оного?

ОБ ОТРАВЛЕННОЙ СВИНЬЕ.

Подмосковный крестьянин Моляров (ст. Галицино, М. Б.-Б. ж. д.) купил в кооперативе „Красный железнодорожник“ отрубей. Покормил он ими свою свинью и семь кур, а они подошли. Кооператив отказывается уплатить за павших по его вине животных.

Открыл бы этот кооператив отделение... Крысормное.

ДОЛГО ЖДАТЬ.

В Жмеринке рабочий клуб закрыт в праздники, а открыт в рабочие дни, когда рабочим некогда в нем бывать. Зав. клубом—Симонович должен был 12 и 18 марта делать доклады в клубе, но не подготовился и потому приказал клуб закрыть. Когда работники написали об этом факте в стенгазету, Симонович этой заметки не пропустил.

Больно долго Симонович к докладу готовится. Пожалуй, жмеринцы скоро и без него обойдутся.

ХОРОШИЙ СЕМЬЯНИН.

Курганский селькор сообщает „Крокодилу“.

Вновь присланный из области председатель Курганского окрпрофсовета т. Везденев в первую очередь устроил на хорошую службу жену и свояченицу.

Приятно, конечно, видеть такое заботливое отношение к своей семье. Но не следует т. Везденеву забывать мудрого изречения: „Любовь к родственникам должна протекать вне службы“.

МОРАЛЬНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ.

Красноярское районное правление союза работников связи устроило конкурс для рабкоров, но из округа прислали запрещение выдавать премии, предложив „компенсировать рабкоров морально“, так как по мнению зав. культ. отдела округа т. Немытищева затеянный конкурс—не массовая работа.

Рабкоров остались без обещанных премий, и вот, чтобы „компенсировать их морально“, мы немного щекочем т. Немытищева вилами.

ЖДУТ ДЕСЯТОЙ ГОДОВЩИНЫ.

Бюро Сорокинской Рудничной ячейки ЛКСМУ вывесило два следующих „объявления“:

1. доводится до сведения всей рабочей молодежи отом чтохто желает запастеся воп ще житие может запастеся я в ячейки л к с м у запас производится С. 9—3х (БЮРО ЯЧЕЙКИ ЛКСМУ) 25 26го

2. тов. рабч и служащие сегодня сорокинская руд. ячейка празднует юбилей своего существования 5 лет. просим прити всех будит дан спектакль декламаци танцы бесплатно.

игра дух оркестр.

бюро ячейки 24/ 25г.

Эх, товарищи! Если бы вы на юбилей-то вместо „спектакля, декламаци и танцев бесплатно“ организовали бы кружок ликвидации безграмотности,—к десятой годовщине-то, глядишь, и перестали бы в „Крокодил“ попадать.

Рис. К. Ротова.

— Почему вы не принимаете играть Петю?

— Мы играем в Доброфлот и Добролет, а он годится только для Доброхима...

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

1.

Что за странная картинка?
Объясните, в чем секрет?
Ходят люди возле рынка,
А на рынке хлеба нет!

3.

Жил в селе купец богатый,
С виду добрый тароватый,
А на деле был таков,
Жал что мочи мужиков.

4.

Он ходил, да тряс мощною
И, как будто невзначай,
Закупил еще зимою
Весь грядущий урожай!

2.

Сколько плачу, сколько мук-то!
Куда делся урожай?
Нету хлебного продукта!
Хоть ложись да помирай!

5.

„Ах вы рохли! Ах тетери!
Мне веселье, вам тоска!
Волость цельная таперя
В кулаке у кулака!

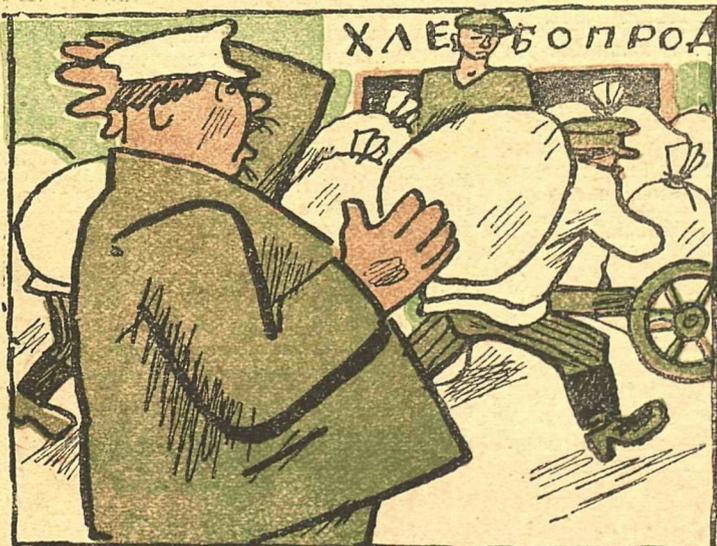
6.

Я слеру с вас, братцы, кожи!
Эх, давно мечтал, давно!
Вчетверо мне за свое же
Вы заплатите зерно!

7.

Что там—вчетверо!!! Дороже!!!
Потому—богат мукой!
Братцы! Что же это? Что же?
Это что за стих такой?!”

8.

И кулацкая порода
Испугалась зело!
За подводною подвода
С хлебом тянется в село!

9.

Знайте, братцы, досконально:
Сгниет этот толстый фрукт!
Знайте: по цене нормальной
Даст зерно ХЛЕБОПРОДУКТ!

10.

Он—от ваших бед лекарство,
Он от злыдней вас хранит!
ЕСЛИ ХЛЕБ—У ГОСУДАРСТВА,
ТО ТРУДЯЩИЙ БУДЕТ СЫТ!

СПИСОК

делегатов Чалтырского Сельсовета на 2-м райс'езде Советов.

1. Гадзиев Манук Александрович—Глава семьи, отец 2-го и 4-го, брат 3-го, тещь 5-го, свояк 6-го.
2. Гадзиев Христофор Манукович—Сын 1-го, племянник 3-го, брат 4-го, свояк 5-го, сват 6-го.
3. Гадзиев Мелкон Александрович—Брат 1-го, дядя 2-го, и 4-го, тещь 5-го, сват и кум 6-го.
4. Атаманова София Мануковна—Дочь 1-го, сестра 2-го, племянница 3-го, жена 5-го, кума и сваха 6-го.
5. Атаманов Мартин Иванович—Зять 1-го, 2-го и 3-го, муж 4-го, сват и кум 6-го.
6. Гагалаев Хачерес—Свояк 1-го, сват и кум 2-го, 3-го, 4-го, 5-го.

Примечание: Чалтырь—большое армянское село в 18 верстах от Ростова, имеет 10 тысяч населения. Все государственные и общественные должности (ВИК, Сельсовет, ККОВ, ЕПО, Ячейка) из года в год неизменно замещены членами этой делегации. Неудивительно, что чалтырцы власть у себя называют Гадзиевской, а не советской.

Портрет его из газет.

1) „Сельская Правда“, 2) „Красный Николаев“, 3) „Брянский Рабочий“.

ТОЛЬКО 10 МЕСЯЦЕВ.

„С августа работница Дмитрокова ходит в ВСРТ, ища защиты в виду неправильного увольнения ее с Голутвинской мануфактуры. И с августа секретарь отдела труда т. Чуковский гонит ее в губотдел, а губотдел—обратно в ЦК. Результатов пока не видно.“
По-нашему, зря вы, товарищ, на Чуковского и на губотдел сваливаете: просто тов. Дмитрокова—несознательный элемент, сама, небось, ходит. Придет, посидит и обратно. Безработная; делать-то ей нечего, она и ходит! Потому что если бы тов. Чуковский ее гонял,—его бы самого да-а-авно наладили! Товарищи из ВСРТ, слышите?

МАТЕРОЙ РУКОВОДИТЕЛЬ.

„Руководитель драмкружка клуба имени Шишова тов. Коробов во имя поднятия работы в кружке кроет кружковцев матом. На жалобу кружковцев завклубом Жильчиков заявил:
— Иначе нельзя. Темный вы еще народ, пессимистичный.“
Конечно, если темный народ сразу в ясный не превратишь, пока хоть матовым сделать можно. Крой, Коробов! Живи, Жильчиков! Уж действительно в клубе „им. Шишова“ темный народ; если не только мат, но и вас в руководителей переносит.

СВИНОЛЮБИВЫЙ ЗАВ.

„Наш заведующий совхоза Максимовка, Бронницкого уезда, Горбунов,—сообщает рабкор Батрак,—любит свиней гораздо больше, чем рабочих. В совхозе имеется единственная баня. В разгар работы, когда грязь в'едается в наше тело на полвершка, баня необходима. А Горбунов взял да и поместил в ней свиней. Рабочему и негде помыться.“
Многие ученые утверждают: „Человек есть то, что он ест“. Гр. Горбунов, повидимому, ест исключительно... ветчину. Это сказывается на его характере.

АППАРАТ В АРЕНДУ.

Для полноты самогонной коллекции еще один любопытный факт. Сообщает его крокор „П. Б—ч“:
„В селе Таловском, Курьинского района, Алтайской губ., большой спрос на... самогонные аппараты. Идя навстречу этому спросу, гр. Чугунов сдал в арендное пользование гр. Позднякову самогонный аппарат. Условия довольно выгодные: 50 процентов выработки в пользу владельца аппарата.“
Была ли эта сделка оформлена у нотариуса и оплачена гербовым сбором—„Крокодилу“ неизвестно. А вот известно ли все это местным властям?

СКОТСКОЕ ОТНОШЕНИЕ.

Жалуются „Крокодилу“ коровы и лошади:
„В 1923 году Нолинским Узу была составлена смета на необходимый ремонт пола в ветеринарной амбулатории, но до сих пор, рискуем сломать себе ноги.“
Плохо вам приходится, скотинушки. Но ничего не нервничайте. У людей всегда так—обещанного три года ждут, а иногда и больше. Вот Налинский УЗУ знает об этом. Он и спокоен.

ЛИКВИДАЦИЯ ГРАМОТНОСТИ.

Не всем по нутру ликвидация неграмотности, есть и такие, которые предпочитают ликвидировать... грамотность. Не верите? А вот послушайте, что сообщает рабкор „Пробежавший Буланчик“:
„Граждане сел. Петроградского затратили последние крохи хлеба на постройку школы. Зарегистрировали ее в УОНО. На свои средства наняли учителя, который и принялся ликвидировать тут неграмотность среди детей и взрослых. Вдруг приезжает секретарь райкома Бычков, начинает требовать у учителя какие-то педагогические документы“ и, не получив их, выгнал детей на улицу, учителя взял за шиворот и выгнал, а школу закрыл на замок“.

Так, Бычков! Пусть царит неграмотность и темнота, но бумажка—прежде всего. Кстати, вы премию по конкурсу соцветов не получили?

ЛЕЧЕНИЕ МАТОМ.

„Есть у нас в фельдшерском пункте, в селе Ново-Егорьевском, Кубанского уезда,—рассказывает рабкор Б.—фельдшер Покушалов. Больные бегут от него без оглядки, потому что он на них злобно орет и... кроет „матом“. А если кто из больных позволит себе обратиться к нему со словом „товарищ“,—возмет за шиворот и вытолкает вон. Благоклонен он только к тем, кто приходит с „госинцем“.“
Этот врачеватель, видимо, и сам нездоров. Горячий компресс из... повестки Нарсуда или продолжительный отдых в отставке принес бы ему несомненную пользу. А пациентам—тем паче.

ПРИЯТНОЕ СОСЕДСТВО.

Великий поэт сказал: „В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань“... В наши дни это изречение значительно устарело. Посудите сами:
У нас на Сюгинском заводе Вотской обл. уплотнили церковь, сделали перегородку и поместили там сельскую школу. Поп возглашает „аллилуйя“, а из-за тонкой перегородки несется хор звенящих голосов, читающих букварь: „Религия—опиум для народа“. Поп в таких случаях нервничает и стучит в стенку.

САМОГОННЫЙ ЗАВОД.

На стекольном заводе „Свет“ Вотской обл. ежегодно, по окончании ремонта, завод заводом Деревягин выставляет рабочим угощение. В нынешнем году пришлось по 4 бутылки самогону на душу.
Ничего не понимаем: завод—стекольный, заведующий—Деревягин, а дух в них—самогонный. Что-то тут не на месте. А может быть и кто-то.

СВОЙ СВОЯ НЕ ПОЗНАША.

В дер. Чебершур, Можгин. уезда, есть ветеринарный фельдшер, напивающийся 365 раз в году. Приглашенный крестьянином к больной корове, няный фельдшер промчал: „Ничего, хороший у тебя конек“... И тут же заснул. Пришлось позвать знахарку. И пришла знахарка и сказала, это не фельдшер, а свинья.

ПОРА СНЯТЬ.

В городе Ижевске в завод. клубе висят такие картины: „Грозный принимает посла“, „Посещение царем тюрьмы и раздача милостыни“, „Боярская дума“. Обидно то, что среди этой галиматии, притом еще плохо нарисованной, зав. клубом т. Малышев повесил портрет Ильича.
Побудут эти картины, побудут, а потом их вдруг и снимут. Тоже бывает и с некоторыми заведующими.

СПИНОЙ К ДЕРЕВНЕ.

Плохо, очевидно, живется некоторым нашим землеустроителям. Озлоблены, забиты, задерганы, изголодались. Потеряли человеческий облик... Только в таком состоянии можно послать такую бумажку:

По получении сего безотлагательно представьте в УЗУ документы, подтверждающие закономерность Ваших претензий на землеустройство Вас на участке б. Ботченко, Петропавловского уезда, Акмолинской губ.

Для пуцеого издевательства на бумажке поставлен штамп и адрес не Петропавловского УЗУ, а бюро МОП'а.

Много еще надо сделать для улучшения быта землеустроительных работников, чтобы они обращались с крестьянами по-человечески.

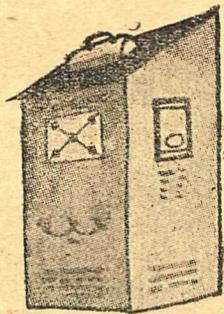
МЕТКИЕ СТРЕЛКИ.

Гомельские железнодорожники Ивкин, Носов и Ефименко прославились меткою стрельбою:
Сперва эти ребята стреляли из ружья по частоколу, а потом стали упражняться в стрельбе по иконам на кладбище. Ивкин—член РКП (б.).
Меткие стрелки, конечно, получают заслуженные призы. Среди этих призов должна быть азбука поллитграммы для „коммуниста“ Ивкина

НОВЫЕ „РАДИО-ЧАСТУШКИ“.

У науки Нил Петров
Прошибает стену:
Он быку промеш рогов
Натянул антенну!
Трубок нет, но все же весел
Трифон без сумленья:
Он к приемнику привесил
Трубку для куренья!
Стал кулак Змеюкин Вукол
Щипаную птицею:
Слыша „вилы“, плюнул в рупор,
А попал в милицию!
Не желает дядя Власий
Нежничать со „сменою“:
Своего сына вчера
Выпорол антенною...
Рассказал намедни зять
Дядюшке Аркадию:
Взятки ныне легче брать,—
Их берут по радио.
Не желают знать старушки
Радио-механики:
На антенне для просушки
Вешают подштаники...
Ф. Благов.

НАШ ПАНОПТИКУМ.

НЕ ОЧЕНЬ ТУТ НАПИШЕШЬ.

(Орехово-Зуево, Моск. губ.).

Единственный в городе почтовый ящик висит при почтовом отделении. Чтобы опустить в него письмо—жителям Зуева надо опоясать два конца по полторы версты. Вот жители и не отправляют никуда писем, кроме как в „Крокодил“.

А. В.

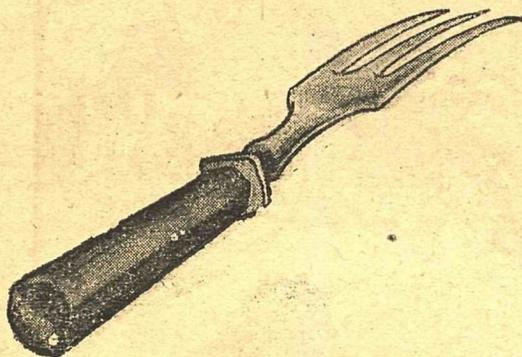

ПРАВИЛА ПРОВИНИЛИСЬ.

(Москва, 3-д „Влад. Ильича“).

Пенсне, без которых нельзя прочесть правил внутреннего распорядка. Поэтому администрация, за провинность, что ли, повесила их за такую густую сетку, что ни черта невозможно разобрать.

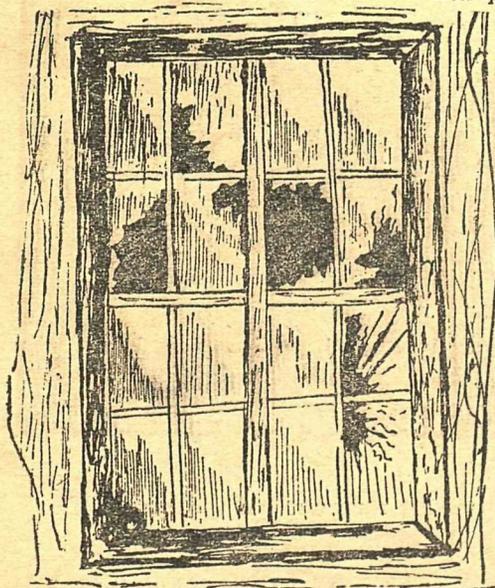
Крокор.

НЕПОДХОДЯЩИЙ ПРЕДМЕТ.

Этой самой вилкой доктор поселка Немчиновка, М.-Б. Б. ж. д., Н. Ф. Марков, пытался написать рецепт, явившись к больной в 8½ утра 25 марта. Доктор, несомненно, болен. Сейчас мы его полечим. А ну, высуньте язык!.. Скажите: а-а!.. Кашляните!.. Так и есть. Оравление парами „Aquaе vitae“—то бишь, алкоголя.

Комар.

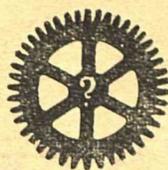

СТРОЯТСЯ С КОНЦА.

(Донбасс, Штерстрой).

Окно машинного отделения, как оно выглядит после того, как сначала его застеклили, а потом стали рвать динамитом пол для машинных постаментов. Их, видите ли, раньше поставить забыли.

А фундамент под здание подвести не забыли? Нет? Это даже удивительно.

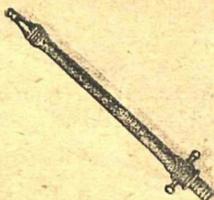
ДЫРЯВЫЕ ГОЛОВЫ.

(Вятская к-ра Сев.-Вятск. горн. окр.).

Триста пудов чугунного литья (шестерней) привезли в контору округа. Шестерни лежат и не продаются. Не нужны, что ли? Наоборот, очень нужны... Да одна беда: без дырок они.

У каких-то спецов головы дырявы. Все дыры на головы ушли, а для шестеренок дыр и не хватало.

Веселухин.

ДЕЛЬНЫЕ ПОЖАРНИКИ.

(Курловский гостеклозавод, Ряз. губ.).

Брандспойт, забытый пожарной командой 20-го марта, когда она выехала на пожар в поселок. Команда избрала делегата: просить пожар подождать, пока смотаются за брандспойтом. Послали. Привезли.. Знаете что? Полку от водокачки. А пожар пока, конечно, ждал.

Надо кого-то из брандспойта попрыскать.

И. Широков.

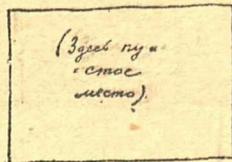
В КЛУБЕ ВЕСЕЛО.

(Москва, 3-д „Красн. Богатырь“).

Человек, который отсутствует в заводском клубе имени Ильича. Вместо него присутствует ряд других деятельных лиц, которых рабочие именуют кратко, но выразительно:

Фулиганы.

Сирота.

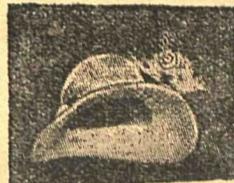

СТЫДОБУШКА!..

(Яковлевские ф-ки, Ив.-Вознес. губ.).

Рабочие фабрик получают спецодежду. Все, якобы, в порядке. Однако, одежда оказывается сшитой из редушки, служит вместо шести месяцев—шесть дней; и сквозь нее чисто все видеть, как у праотца Адама. Мы тут хотели нарисовать, что именно видеть сквозь одежду, да постеснялись, оставили пустое место.

Рабочие.

ПРОЛЕТАРСКИЙ ФАСОН.

(Москва, 3-д „Владимира Ильича“).

Вот, это, действительно, чудо. Этот предмет присужден конструкторам, как прозодежда, из магазина отпущен по требованию Т. Б. за № 54 от 20 марта, под названием кепки. А на самом деле—видите, что за вещь? Остается только сказать—Ироды большевики.. До чего кепку довели.

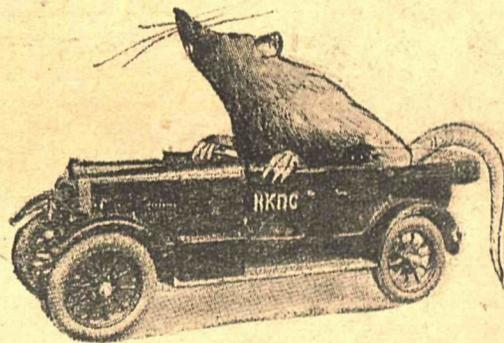
Крокор.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Которое мы рекомендуем вниманию заведующего столовой МСПО № 7, Москва, ул. Льва Толстого. Ибо в супе, который готовят в столовой, постоянно обитают клопы, тараканы и прочие паразиты капиталистического строя.

Обедавший.

ПРЕДЛАГАЕМ ПЕРЕИМЕНОВАТЬ.

(Москва, автобаза НКПС).

Как-то Крокодил заглянул в авто-базу, в комнаты нарядчиков и деж. шофферов. После этого Крокодил убедился, что авто-базу, надлежит срочно переименовать в „крысо-базу“. Ибо крысы там не в пример больше, чем автомобилей.

Наглость крысы перешла все пределы. Так, например, крысы сели охрану труда и ее по этому поводу не могут розыскать.

К. Г.

НЕНОРМАЛЬНЫЙ ПАЛЕЦ.

(Заводуправление Орехово-Зуевских ф-к).

Палец, которым пом. директора, тов. Перов, часто указывает посетителям на дверь.

Интересно знать, где это Перов успел себе отратить такой палец? Уж не в уездном ли отделении профсоюза текстильщиков, где он в должности председателя пребывал несколько лет?

А. В.

32

962

„КРОКОДИЛ“—ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН МОССОВЕТА.

Рис. К. Ротова.

Было это в двадцать пятом сем году,
 Шум великий был в Охотном всем ряду.
 Увидала Крокодила вся Москва,
 Непачи от страха держатся едва.

Крокодил к трамваю суется,
 Все узнать интересуется,
 Строгим выглядяит хозяином,
 Едет с центра по окраинам.

— Почему лежит на улицах труха?
 За порядком плохо смотрит Эм-Ка-Ха.
 Поглядите—в центре пыль водою бьют,
 А окраинам ни бочки не дают.

Там—езде канализация,
 Здесь—одна ассенизация,
 Бочки—видимо дырявые.
 Пахнет в воздухе отравойю.

Надо новые порядки завести,
 Чтобы были и окраины в чести.
 К „Крокодилу“ тут с манерой петуха
 Подлетел какой-то спец из М.К.Х.

— Ваши речи—речи дерзкие,
 Где мандаты ваши зверские?

Вас в милицию, смотрите-ка,
 Не свела бы ваша критика.

Крокодил на спеца бросил грозный взгляд,
 Из-за пазухи достал он свой мандат.
 „Член почетный Моссовета“... Точно мел,
 Задрожавши спец, в испуге побелел.

Крокодил же очень вежливо
 Заявил:—какого лешего,
 Послан я, как малый с норовом,
 От рабочих в ревизоры вам!